

В. Г. РЕВУНЕНКОВ ПРОТИВ «МОСКОВСКОЙ ШКОЛЫ»: ДИСКУССИЯ О ЯКОБИНСКОЙ ДИКТАТУРЕ

С.Е. Летчфорд

Дискуссия о якобинской диктатуре, развернувшаяся между советскими историками в 1960–1970 гг., вызвала в свое время большой интерес, став по своему общественному резонансу, пожалуй, наиболее значимым событием в отечественной послевоенной историографии Французской революции. В наши дни изучение ее дает яркое представление об условиях, в которых существовала советская историческая наука в период, известный как эпоха застоя.

После введенного крутыми сталинскими методами полного единомыслия, что официально именовалось «победой марксистской методологии», проблема якобинской диктатуры считалась раз и навсегда решенной. Все было просто и ясно. Коль скоро «классики научного социализма» хвалили якобинцев за близость к народу, значит эта близость не подлежала сомнению. Тем более что имелось вполне конкретное учение В. И. Ленина о «революционно-демократической диктатуре», разработанное в полемике с меньшевиками в период русской революции 1905–1907 гг., но проецированное на события Французской революции XVIII в. Согласно Ленину, при якобинцах «Конвент был именно диктатурой низов, т.е. самых низших слоев городской и сельской бедноты. В буржуазной революции это было именно такое полновластное учреждение, в котором господствовала всецело и безраздельно не крупная или средняя буржуазия, а простой народ, беднота, т.е. именно то, что мы называем: «пролетариат и крестьянство»¹.

Было и еще одно, далеко не последнее по важности обстоятельство, которое исключало возможность критики режима революционного правления 1793–1794 гг. Это его чрезвычайное (хотя, разумеется, во многом лишь внешнее) сходство со сталинским режимом в СССР – сходство столь разительное, что аналогии рождались почти произвольно. Дело не ограничилось наличием фигуры харизматического вождя (Робеспьер – Сталин) или террором, возведенным в ранг государственной политики. Такого рода признаки характерны для любой тоталитарной диктатуры. Но есть совпадения и совсем уже мистические. Взять, к примеру, знаменитые амальга-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 13. С. 54.

мированные процессы весны 1794 г. в Париже и не менее знаменитые (и тоже амальгамированные) московские процессы 1937–1938 гг. Не только состав обвиняемых, характер обвинений и т. д., но даже сама последовательность расправы с неугодными: сначала с «левыми» (эбертисты – троцкисты), а уж потом с правыми (дантонисты – бухаринцы) была одинаковой.

Это сходство хорошо осознавалось партийным руководством, хотя его отношение к аналогии «большевики-якобинцы» было неоднозначным. «Когда аналогия «большевики-якобинцы» начинает распространяться, большевики ...занимают двойственную позицию: они претендуют на то, что являются революционерами нового типа в соответствии с требованиями пролетарской партии, но при этом охотно сравнивают себя с «великими якобинцами» 1793 г., принадлежавшими, однако, к буржуазной или мелкобуржуазной партии»². Тем не менее, в практическом плане это вело, к апологии якобинской диктатуры, ибо всякий выпад против нее расценивался как замаскированная вылазка врага, имевшая целью дискредитацию большевистской власти.

В то время как советские историки волей-неволей вынуждены были следовать идеологическим установкам, спускавшимся им свыше, их коллеги на Западе могли свободно обсуждать проблему якобинской диктатуры. Вводимые там в научный оборот факты свидетельствовали, что этот феномен был куда более сложен, чем представлялось Ленину, и никак не укладывался в прокрустово ложе теории революционно-демократической диктатуры. Даже многие западные историки-марксисты без особого энтузиазма относились к ленинской оценке якобинского режима. Теоретически допуская возможность существования странного гибрида, соединявшего одновременно и демократию, и диктатуру, они, однако, замечали, что якобинский режим был очень далек от демократии.

Из такого рода работ наибольшую известность получила докторская диссертация французского историка Альбера Собуля, опубликованная в виде обширной монографии³. Нельзя сказать, что, избрав темой исследования взаимоотношения парижских санкюлотов и революционного правительства, Собуль вторгся в совсем уж неизведанную область. Этот сюжет отчасти затрагивался в историографии и раньше⁴. Однако Собуль ввел в научный оборот огромное количество новых архивных документов, опираясь на которые, доказывал, что с момента возникновения революционного

² Кондратьева Т. Большевики–якобинцы и призрак термидора. М., 1993. С. 200.

³ Soboul A. Les sans-culottes parisiens en l'an II. Mouvement populaire et gouvernement révolutionnaire. P., 1958.

⁴ Например, А. Матьезом в его известной работе «La vie chere et le mouvement social sous la Terreur». P., 1927. В русской историографии этой темы касался Н. И. Кареев. См.: Кареев Н. И. Парижские секции времен Французской революции. Спб., 1911.

правительства его главной заботой было обуздание плебейского движения в Париже. Комитет общественного спасения, отмечал Собуль, сделал все, чтобы подчинить Парижскую Коммуну и секции, лишить их всякой самостоятельности, что ему в конце концов и удалось к весне 1794 г. При этом якобинцы не брезговали самыми грязными средствами, среди которых основное место принадлежало демагогии и террору. Например, пресловутые вантозские декреты, столь восхищавшие А. Матьеза и других поклонников Робеспьера, были всего лишь тактическим маневром в преддверии намеченной расправы с кордельерами. Когда дело было сделано, о них тот час же забыли.

Таким образом, Собуль фактически отрицал ленинское определение якобинского режима как революционно-демократической диктатуры. Напротив, он считал, что существовавшая диктатура Комитета общественного спасения, была враждебна санкюлотам, то есть трудящимся массам Парижа, а следовательно, и городскому плебсу вообще. Вместе с тем, ученый оставлял открытым вопрос о классовой природе якобинской власти. Будучи по своим политическим убеждениям правоверным марксистом, Собуль, тем не менее, в исследовании предпочитал идти от фактов и не пытался втискивать живую ткань истории в жесткие рамки той схемы расстановки классовых сил в «буржуазной революции», которая содержалась в трудах основоположников марксизма. Такая вольность в методологии, позволительная для французского коммуниста, была, однако, для советских историков немыслима даже в относительно либеральные времена хрущевской «оттепели».

Эффект, произведенный книгой Собуля у нас в стране, в значительной степени объясняется тем, что советская историческая наука находилась тогда на перепутьи. По сравнению с предшествующими годами, обстановка несомненно изменилась к лучшему: были реабилитированы и вернулись к научной деятельности многие репрессированные ученые, в том числе и специалисты по Французской революции, расширился круг доступной литературы, понемногу возобновились контакты с зарубежными исследователями, начались, пусть и немногочисленные, поездки для работы в зарубежных архивах. И все же советские историки испытывали сильное чувство дискомфорта. Помимо вполне объяснимой инерции мышления их угнетала полная неопределенность. Прежде ситуация была, по крайней мере, понятной, теперь же все казалось зыбким. Необратима ли либерализация? Как далеко она пойдет? О чем уже можно, а о чем по-прежнему еще нельзя писать? Подобные соображения побуждали к сугубой осторожности, выжиданию дальнейшего развития событий. Однако это ни в коей мере не означало, что для советской историографии в целом и для историографии Французской революции в частности годы «оттепели» оказались

потерянным временем. Никогда еще она с такой жадностью не впитывала новые идеи, последние достижения мировой науки.

Внешние проявления этого подспудного процесса мы видим в трудах по истории Французской революции, появившихся в конце 50-х – начале 60-х годов. Прежде всего, это выразилось в некоторой модернизации взглядов на якобинскую диктатуру. Очень осторожно проводилась мысль о том, что ее отношения с народными массами складывались далеко не идиллически и что народ едва ли «господствовал в Конвенте». Вновь была поднята тема «бешеных», активно разрабатывавшаяся в 20-е годы Я. М. Захером, но затем совершенно заброшенная⁵. Вернувшийся из лагеря Захер возобновил свои исследования. Параллельно с ним той же темой занялся С. Л. Сытин⁶. Р. М. Тонкова-Яковкина начала изучать эбертистов⁷. Рассматривая представителей левой оппозиции и признавая их выразителями настроений трудящихся слоев, эти исследователи, естественно, не могли обойти молчанием их борьбу против правительства якобинцев и ответные репрессивные действия последнего.

Ревизия прежних постулатов происходила и за счет возвращения к научному багажу, накопленному в дореволюционной русской историографии. Здесь имелись крупные достижения. Вряд ли для специалистов, знакомых с работами того же Н. И. Кареева о парижских секциях, выводы Собуля стали большим откровением. Но приведенный французским историком богатейший фактический материал давал новый импульс к исследованиям в данном направлении. Немалое значение имел высокий научный авторитет Собуля и, конечно, его политическое реноме «члена ФКП с 1939 г.» и «верного друга СССР», о чем постоянно напоминалось в предисловиях и аннотациях к его статьям и монографиям, когда они начали выходить и на русском языке.

В таких условиях очень кстати пришла концепция «якобинского блока», уже ранее получившая распространение среди части советских исто-

⁵ С 1930 г. по 1956 г. о «бешеных» не было в нашей стране опубликовано ни одной статьи, что, конечно, весьма симптоматично. См.: Великая французская буржуазная революция. Указатель русской и советской литературы. М., 1987.

⁶ См.: Захер Я. М. Последний период деятельности Жака Ру // ФЕ. 1958. М., 1959. С. 165–183; Он же. Движение «бешеных». М., 1961; Он же. «Бешеные», их деятельность и историческое значение // ФЕ. 1964. М., 1965. С. 94–108; Сытин С. Л. Борьба плебейских масс Парижа во главе с Ру и Леклерком за удовлетворение своих социально-экономических требований в июле – сентябре 1793 г. // Учен. зап. Ульян. пед. ин-та. Ульяновск, 1956. Вып. 8. С. 253–326; Он же. «Бешеные» и якобинцы после народного восстания 31 мая – 2 июня // Учен. зап. Ульян. пед. ин-т. Ульяновск, 1959. Т. 15. С. 3–38.

⁷ Тонкова-Яковкина Р. М. Движение народных масс Парижа 4–5 сентября 1793 г.: Плебейский натиск // Из истории общественных движений и международных отношений. М., 1957. С. 209–223.

риков. Впервые она была предложена Н. М. Лукиным в его статье «Ленин и проблема якобинской диктатуры», которая появилась в 1934 г.⁸ «Якобинская диктатура, – писал Лукин, – была диктатурой низших слоев тогдашней буржуазии, т.е. революционной демократии, поддержанной всей массой плебейских элементов города и деревни... Но на разных ее этапах мы имеем различное соотношение социальных сил внутри этого «левого» блока»⁹. Позже аналогичную точку зрения развивал А. З. Манфред, определявший якобинцев как «разнородный блок демократической средней буржуазии, мелкой буржуазии, крестьянства и рабочих»¹⁰. Удобство этой концепции заключалось в том, что, во-первых, она была безупречна с точки зрения марксистской методологии, позволяя провести четкий классовый анализ якобинской диктатуры. Так как в указанную коалицию входило подавляющее большинство французского народа, то якобинскую диктатуру и можно было назвать революционно-демократической. Во-вторых, классовая разнородность данной коалиции объясняла ее внутренние противоречия и разногласия, которые временами выливались в весьма острые столкновения.

Концепция блока быстро стала господствующей в советской историографии. Об этом свидетельствуют, например, материалы Межвузовской научной конференции по истории якобинской диктатуры, состоявшейся в Одессе в июне 1958 г. Из них особого упоминания заслуживает доклад В. С. Алексеева-Попова и Ю. Я. Баскина¹¹, где была предпринята попытка уточнить механизм действия якобинской диктатуры. Его авторы признавали, что непосредственно власть (то есть государственные органы) находилась в 1793–1794 гг. в руках буржуазии, но, утверждали докладчики, это еще не определяло характер режима в целом. По их мнению, политика Комитета общественного спасения определялась не только господствовавшей в нем буржуазией, но и ее союзниками в лице народных масс, оказывавших постоянное давление на Конвент. Пока это давление было эффективным, во Франции имела место революционно-демократическая диктатура.

Нетрудно заметить, что подобная схема отражала постепенные и осторожные сдвиги в оценках революционного правления 1793–1794 гг. советскими историками. Еще не решаясь отказаться от освященного именем Ленина тезиса о революционно-демократической диктатуре, они уже не воспринимали его буквально. Речь теперь шла не о прямом господстве на-

⁸ Лукин Н. М. Ленин и проблема якобинской диктатуры // Лукин Н. М. Избранные труды. Т. 1. С. 322–388.

⁹ Там же. С. 366.

¹⁰ Манфред А. З. Великая французская буржуазная революция. М., 1956. С. 162.

¹¹ Алексеев-Попов В. С., Баскин Ю. Я. Проблемы истории якобинской диктатуры в свете трудов В. И. Ленина // Из истории якобинской диктатуры (1793–1794). Одесса, 1962. С. 21–154.

рода, а всего лишь о готовности правящей буржуазии прислушаться к народным требованиям. Разумеется, при таком подходе оставалась без объяснения масса вопросов. Не проявлялась ли эта готовность больше на словах, чем на деле, если после всех мероприятий якобинцев в стране повсеместно раздавались жалобы трудящихся на ухудшение условий жизни? Если уступчивость якобинской буржуазии позволяла говорить о ее демократизме, то почему то же самое нельзя сказать о жирондистах (представителях «крупной контрреволюционной буржуазии», по марксистской классификации)? Ведь они тоже шли на весьма существенные уступки народу и уж во всяком случае не рубили головы его вожакам. Логично предположить, что при сохранении относительно либерального идеологического климата в СССР размышления над этими вопросами могли бы завести советских историков Французской революции гораздо дальше достигнутого рубежа.

Но конец «оттепели» застал их в промежуточном положении. Вдобавок в зарубежной историографии Французской революции набирала силу «ревизия» практически всех ключевых положений марксистской интерпретации этого события¹². Появление «ревизионистского» направления еще больше осложнило жизнь советским историкам Революции, ибо партийная цензура удвоила бдительность, резонно полагая, что любой отход от устоявшихся традиций может привести их в объятия Ф. Фюре и его последователей. Наступили времена, когда сосуществование различных точек зрения, свободное столкновение мнений вновь должны были уступить место «единению». И тем не менее, как раз в это время между советскими историками началась бурная дискуссия, принявшая весьма своеобразные формы.

Возмутителем спокойствия стал ленинградский профессор В. Г. Ревуненков. В 1966 г. он выпустил монографию¹³, вызвавшую из-за своей остро полемической направленности широкий резонанс в научных кругах. Заявив о своей решительной поддержке концепции Собоуля, Ревуненков обвинил практически всех советских историков, писавших о якобинской диктатуре¹⁴, в начетничестве, в том, что вместо анализа объективных фактов они занимаются бездумным цитированием классиков. Из-за

¹² Подробнее см.: *Блуменау С. Ф.* «Ревизионистское» направление в современной французской историографии Великой буржуазной революции конца XVIII в. Брянск, 1992; Он же. Споры о революции во французской исторической науке второй половины 60-х – 70-х годов. Брянск, 1994; Он же. От социально-экономической истории к проблематике массового сознания: Французская историография революции конца XVIII в (1945–1993 гг.). Брянск, 1995.

¹³ *Ревуненков В. Г.* Марксизм и проблемы якобинской диктатуры: (Историографический очерк). Л., 1966.

¹⁴ Некоторое исключение делалось только для Н. П. Фрейберг, Я. В. Старосельского и А. Л. Нарочницкого.

этого, полагал автор книги, все их построения никуда не годятся, ибо не раскрывают суть режима революционного правления 1793–1794 гг., а скорее затемняют ее.

Прежде всего, Ревуненков обрушился на представителей старшего поколения – советских историков 20–30-х годов: «Ц. Фридлянд, приводя отдельные цитаты из произведений Ленина, но не давая себе труда проанализировать взгляды Ленина на якобинцев в их целом, в их развитии, идеализировал якобинскую диктатуру. <...> Идеализация якобинской диктатуры по той же причине нашла свое выражение и в известной статье Н. М. Лукина «Ленин и проблема якобинской диктатуры» (1934 г.), которая на многие годы вперед определила понимание якобинской диктатуры как революционно-демократической»¹⁵. По мнению автора книги, концепция Лукина «основывается лишь на догматическом толковании некоторых суждений Ленина о якобинцах и Конвенте»¹⁶. Еще строже Ревуненков судил современных ему историков: «Точка зрения А. З. Манфреда, который видел в якобинской диктатуре фактически диктатуру средней и мелкой буржуазии, лишь опирающуюся на плебейские массы, но который тем не менее относил эту диктатуру к открытому Лениным особому типу народной революционной власти, т.е. к революционно-демократической диктатуре, разумеется, еще меньше соответствовала существу взглядов Ленина (чем концепция Лукина – *С.Л.*)»¹⁷. О вышеупомянутом выступлении Алексеева-Попова и Баскина на Одесской конференции Ревуненков писал: «Попытка отстоять концепцию Лукина, которую предприняли Алексеев-Попов и Баскин, лишь еще раз продемонстрировала несостоятельность того «цитатного метода», к которому они прибегли»¹⁸.

Резкие высказывания Ревуненкова не могли не обидеть многих, в особенности учеников и последователей Н. М. Лукина, за которыми в ходе дискуссии закрепилось название «московская школа»¹⁹. Ведь фактически Лукину бросалось обвинение в научной недобросовестности. Это было расценено как оскорбление памяти видного ученого, к тому же погибшего в сталинских застенках. Несомненно, сыграл свою роль и пренебрежительный тон в котором автор отзывался о современных ему историках. Так,

¹⁵ Ревуненков В. Г. Указ. соч. С. 124–125.

¹⁶ Там же. С. 145.

¹⁷ Там же С. 131.

¹⁸ Там же С. 145.

¹⁹ Здесь надо оговориться, что первое время это название бытовало только в неофициальной, устной форме. Ни Ревуненков, ни тем более его оппоненты не употребляли его в печати. В дальнейшем, однако, оно не раз использовалось в ретроспективных оценках указанной дискуссии. См., например, выступления Н. Н. Болховитинова 1987–1988 гг. на «круглых столах» в редакции журнала «Вопросы истории» и в Институте всеобщей истории (ВИ. 1988. № 3. С. 41; Актуальные проблемы изучения истории Великой французской революции. М., 1989. С. 21).

А. З. Манфред фигурировал в книге Ревуненкова всего лишь как автор «популярного очерка «Французская буржуазная революция конца XVIII века», опубликованного в 1950 г.»²⁰. Все его позднейшие работы не упоминались, из чего неискушенный читатель мог заключить, что, либо Манфред с 1950 г. вообще ничего не писал, либо все им написанное не представляет никакой научной ценности²¹.

Однако, похоже, более всего оппонентов Ревуненкова возмутило то, что, упрекая их в злоупотреблении «цитатным методом», он сам пошел той же дорогой. Ленинградский историк попытался укрепить шаткий, с точки зрения ортодоксального марксизма, методологический фундамент концепции Собуля и развернул настоящую «войну цитат». Ревуненков заявил, что Маркс и Энгельс хвалили якобинцев только в своих ранних сочинениях, потому что еще не обладали достаточной информацией о них. По мере же развития исторических исследований о Французской революции их взгляды, полагал он, радикально изменились, и симпатии сместились в сторону группировок, стоявших левее якобинцев, то есть к эбертистам и «бешеным». Эта тенденция якобы четко прослеживается в трудах основоположников научного социализма 1850–1880 гг. Что же касается Ленина, то его высокая оценка якобинцев обусловлена незнанием этих поздних высказываний Маркса и Энгельса, содержащихся, главным образом, в письмах и черновых набросках. Ленин просто не имел физической возможности с ними ознакомиться, поскольку эти работы были опубликованы уже после его смерти.

Таким образом, одни цитаты из «классиков» противопоставлялись другим, и спор приобретал характер схоластического диспута, бесплодного, но опасного, как показывал опыт недавнего прошлого. Ведь речь шла о правильности толкования противоречивых высказываний вождей, а значит, научная дискуссия переносилась уже в политическую плоскость²².

С точки зрения сегодняшнего дня предмет спора никак нельзя назвать содержательным. Основные идеи Ревуненкова сводились к следующему: 1) никакого якобинского блока не было; 2) имело место двоевластие, борьба двух диктатур – буржуазной якобинской, которая осуществлялась через Конвент и его органы, и плебейской²³, которая опиралась на Парижскую Коммуну, секции и народные общества; 3) именно эта последняя представляла собой «открытую Лениным» революционно-демократическую

²⁰ Ревуненков В. Г. Указ. соч. С. 131.

²¹ О В. М. Далине, тоже ученике Лукина и видном специалисте по истории Французской революции, Ревуненков вообще не упомянул.

²² Некоторое представление о том, какая тягостная атмосфера ей сопутствовала, читатель может получить из опубликованных выше воспоминаний А. В. Гордона.

²³ Согласно Ревуненкову, она находилась еще в стадии формирования, что, впрочем, не меняет сути дела.

диктатуру. Таким образом, страсти разгорелись вокруг проблемы «блок» или «двоевластие». Фактически вся дискуссия была вызвана стремлением автора книги найти иное, лучшее, на его взгляд, применение ленинскому понятию революционно-демократической диктатура по отношению к французской действительности 1793–1794 гг.

Действительно, после работ Собоуля, Р. Кобба и ряда других западных историков идиллическая картина согласия между революционной буржуазией и народными массами выглядела неубедительно. Ревуненков предложил другую, по его мнению, более реалистичную интерпретацию режима революционного правления. Однако при ближайшем рассмотрении его концепция выглядела не менее искусственной. Парижскую Коммуну и секции при всем желании невозможно считать выразителями воли большинства французского народа. Весьма сомнительно, чтобы эти объединения отражали в своей политике пожелания даже большинства парижан, не говоря уже о крестьянстве, составлявшем почти 90% населения страны. Иначе как объяснить бесконечные чистки секционных собраний, откуда кучки демагогов с помощью грубой силы удаляли всех несогласных с ними? И разве спрашивала Коммуна мнение верующих, когда горстка лихих дехристианизаторов лишила их священников, храмов и, в конечном счете, возможности исповедывать христианскую религию? А каково было просто мирным обывателям, которых та же Коммуна огулом зачислила в подозрительные печально знаменитым постановлением от 10 октября 1793 г. («Подозрительными являются: ... 8. Те, кто, ничего не сделав против свободы, равным образом ничего не сделали и в ее пользу»)? Среди них было немало труженников, которых горькая нужда заставляла думать лишь о куске хлеба и пренебрегать секционной говорильней, толку от которой было мало.²⁴ Какая же тут демократия? Да и проводила ли Парижская Коммуна, а тем более секции какой-то единый курс? Знакомясь с их деятельностью, мы видим только огромные амбиции, запутанные интриги и злобную вражду. Все эти, якобы, соратники по борьбе за интересы народа – эбертисты, «бешеные», секционеры, клубисты – пользовались первым удобным случаем, чтобы доносить друг на друга Комитету общественного спасения и подводить соперников под нож гильотины. Эбер отрекался от Жака Ру, Шометт отрекался от Эбера и т.д., и т.п. Где же здесь плебейская диктатура?

Конечно, голодные парижские санкюлоты оказывали нажим на Конвент с целью добиться от него улучшения своего положения. Но стихийные всплески эмоций и диктатура далеко не одно и то же. А противоречия ме-

²⁴ Это, в частности, подтверждает 9-й пункт указанного постановления: «Подозрительными являются те, кто не посещают своих секций и оправдываются тем, что не умеют говорить или заняты своими делами». – См.: Документы истории Великой французской революции. М., 1990–1992. Т. 1. С. 267.

жду революционным правительством и парижскими «низами» признавали, хотя и с оговорками, даже раскритикованные Ревуненковым историки. В том же 1966 г. Манфред писал в предисловии к русскому переводу книги Собуля: «Можно ли говорить о противоречиях между санкюлотами и Революционным правительством в период якобинской диктатуры? Да, в какой-то мере, конечно, можно... Однако представляется необходимым и, может быть, еще более важным выявление не только противоречий, но и общности интересов, общности целей и задач, объединяющих санкюлотов с Революционным правительством»²⁵.

Таким образом, по сути все различие между двумя позициями заключалось лишь в разной расстановке акцентов. Подобно Манфреду, Ревуненков выступал как типичный советский историк, приверженец той же самой марксистской методологии. Он, как и его противники, не сомневался в существовании революционно-демократической диктатуры, потому что о ней говорил Ленин.

Исходя из чисто научной стороны проблемы, трудно понять, чем была вызвана отмеченная выше резкая тональность книги Ревуненкова. Возможно, таковы были особенности стиля ленинградского историка или же здесь проявился извечный антагонизм двух столиц, нашедший отражение и в научной сфере²⁶. Не исключено, что подчеркнутая полемичность рассматривалась автором как лучший способ завязать дискуссию.

Первое время «москвичи» пытались игнорировать книгу Ревуненкова на том основании, что он де «не является специалистом по Французской революции»²⁷. Формально так оно и было. Если не считать маленького очерка «Якобинцы», опубликованного еще в 1940 г. и, кстати сказать, полностью соответствовавшего концепции Лукина²⁸, Ревуненков, действительно, ранее специально не занимался историей Революции. Сферой его интересов была Германия и международные отношения середины XIX в. (в частности, фигура Бисмарка). Однако затронутые им проблемы интерпретации якобинской диктатуры носили не столько конкретно-исторический, сколько методологический характер. Поэтому, в конце концов, оппоненты вынуждены были как-то реагировать.

²⁵ См.: *Собуль А.* Парижские санкюлоты во время якобинской диктатуры. М., 1966. С. 14.

²⁶ Ревуненков, как мы увидим далее, имел сильную поддержку в научном сообществе Ленинграда. И даже в редколлегии «Французского ежегодника» у него был сторонник – бывший ленинградец А. И. Молок, написавший положительную рецензию на его книгу. – *НиНИ.* 1967. № 5. С.174–176.

²⁷ Отголоски этой точки зрения много лет спустя нашли отражение в книге В. М. Далина, подробнее о которой речь пойдет ниже. – См.: *Далин В. М.* Историки Франции XIX–XX веков. М., 1981. С. 80.

²⁸ См.: *Пропаганда и агитация.* 1940. № 23. С. 30–38.

В 1969 г. появилась статья А. З. Манфреда «О природе якобинской власти». Все еще не упоминая имени Ревуненкова, он делал вид, что полемизирует только с Собулем и другими зарубежными историками-марксистами, не разделяющими концепции якобинского блока. Тем не менее, это, несомненно, был ответ, прежде всего, Ревуненкову.

Работа Манфреда производит не слишком убедительное впечатление. Она выглядит поверхностной, написанной как будто наспех. Для дискуссии с Собулем, очевидно, требовались более веские аргументы, чем ссылка на принятие якобинцами выгодных для крестьян аграрных законов лета 1793 г. или на цитату из записной книжки Робеспьера о необходимости «обуздать буржуазию». Однако по отношению к «дилетанту» Ревуненкову Манфред, видимо, считал возможным ограничиться и этим. И уж совсем странно выглядела в данной связи апелляция к «авторитетному мнению» Г. Бабефа, что «робеспьеризм – это демократия». Игнорируя другие, прямо противоположные высказывания того же деятеля и контекст, в котором были произнесены эти слова, Манфред делал из них однозначный вывод: «То было справедливое, правильное определение природы якобинской власти, и вряд ли нужно сегодня его менять или исправлять, задача, видимо, в ином – в том, чтобы его лучше понять»²⁹.

Между тем, Ревуненков продолжал наступление по всем направлениям. В конце 60-х годов он опубликовал в ленинградских научных изданиях ряд статей уже не только методологического, но и конкретно-исторического характера, в которых развил свои взгляды³⁰. Одна из его статей появилась и в руководимом А. Л. Нарочницким журнале «Новая и новейшая история»³¹. Только после этого москвичи решили вступить в бой по настоящему.

20–21 мая 1970 г. в секторе истории Франции ИВИ АН СССР состоялся симпозиум по проблемам якобинской диктатуры. Он был явно задуман с целью подвергнуть концепцию Ревуненкова уничтожающей критике, для чего были собраны лучшие отечественные специалисты по истории Французской революции. Очевидно, по замыслу организаторов, А.В. Адо должен был обратить внимание на недооценку Ревуненковым аграрных проблем и роли крестьянства, А. В. Гордон показать несостоятельность идеализации секционного движения, Т. Г. Солтановская «защитить» Марата,

²⁹ Манфред А. З. О природе якобинской власти // ВИ. 1969. № 5. С. 107.

³⁰ См., например, Ревуненков В. Г. Проблемы якобинской диктатуры в новейших работах советских историков // Проблемы всеобщей истории. Л., 1967; Он же. Новое в изучении Великой французской революции и взгляды В.И. Ленина // В.И. Ленин и историческая наука. Л., 1970; Он же. Марат и мелкобуржуазная революционность // Проблемы отечественной и всеобщей истории. Л., 1969.

³¹ Ревуненков В. Г. Санкюлоты и якобинцы // НиНИ. 1969. № 3.

которого ленинградский профессор «оклеветал»³², изобразив типичным мелкобуржуазным революционером, чей радикализм в политических вопросах сочетался с ограниченностью в вопросах социальных.

Председательствовал А. З. Манфред. Основной доклад делал В. М. Далин. В. Г. Ревуненков, опасаясь, что на симпозиуме окажется в одиночестве, в Москву не поехал, хотя Манфред сначала через руководство Института, а позже личным письмом пригласил его принять участие в дискуссии.

Организаторам симпозиума удалось лишь отчасти добиться желаемого. С одной стороны, участники обсуждения довольно легко показали внутренние противоречия и слабые места схемы Ревуненкова, поскольку те сразу бросались в глаза. Однако и концепция «блока» не получила их единодушной поддержки. Более того, некоторые из выступавших (Л. С. Гордон, С. Л. Сытин) осторожно намекнули, что и в работах Ревуненкова есть определенное рациональное зерно.

В основном докладе была сделана попытка придать дискуссии идеологический оттенок, представив взгляды ленинградского историка идущими вразрез с идеями классиков марксизма-ленинизма: «Общая оценка якобинской диктатуры и ее классовых корней у В. Г. Ревуненкова расходится с ленинской. Возражения В. Г. Ревуненкова направлены вовсе не против Н. М. Лукина, а против Энгельса и Ленина»³³. Но доказать это оказалось не так просто. Все, что ему можно было конкретно поставить в вину – это лишь отсутствие должного пиетета к ранним трудам Маркса и Энгельса («И превосходную статью против Гейнца в 1847 г., и все статьи «Новой Рейнской газеты» он рассматривает как незрелые и ошибочные»³⁴) и слишком большое внимание к трудам «буржуазных» авторов («В. Г. Ревуненков склонен подчеркивать преимущественно антиплебейскую, антинародную направленность якобинского террора. Он ссылается при этом по преимуществу на работы американских буржуазных историков – К. Бринтона и его ученика Д. Грира»³⁵). Для серьезного идеологического обвинения этого было маловато.

Стремление перевести полемику в идеологическое русло не нашло поддержки у других участников симпозиума, старавшихся не выходить за рамки научной дискуссии. В унисон тональности основного доклада прозвучали, пожалуй, лишь реплики А. З. Манфреда, неоднократно бравшего по ходу дискуссии слово для заявлений вроде следующего: «Я считаю, что это крайне неловкая ситуация, когда мы на 53 году Советской власти

³² Проблемы якобинской диктатуры: Симпозиум в секторе истории Франции Ин-та всеобщей истории АН СССР 20–21 мая 1970 г. // ФЕ. 1970. М., 1972. С. 311.

³³ Там же. С. 282.

³⁴ Там же. С. 281.

³⁵ Там же. С. 283.

должны защищать Марата»³⁶. (Позволительно спросить, причем тут Советская власть, если дело идет о чисто научной дискуссии? – С.Л.). Кроме того, Манфред «уличил» Ревуненкова в идейной близости с французским историком-троцкистом Д. Гереном («Здесь шла речь о близости взглядов В. Г. Ревуненкова со взглядами Даниэля Герена... Но каждому вольно выбирать союзников»)³⁷. Герен, действительно, еще в 1946 г.³⁸ говорил о взаимоотношениях якобинцев и санкюлотов примерно то же самое, что Собыль и Ревуненков, однако ленинградский профессор заблаговременно отмежевался от опасного союзника. Уже в своей первой книге Ревуненков посвятил целый раздел суровой критике Герена именно как «троцкистского фальсификатора истории»³⁹. Так что и этот выстрел прошел мимо цели.

Попытка представить выступление Ревуненкова в виде идеологической диверсии потерпела неудачу. Хотя в отделе науки ЦК КПСС вряд ли досконально разбирались во всех тонкостях истории Французской революции, там, видимо, чувствовали грань, которая отделяла безобидную научную «фронду» от политического диссидентства. Партийные контролеры вполне справедливо сочли, что Ревуненков ни в чем не вышел за пределы дозволенного и наказывать его нет никаких причин. Благодаря этому, Ревуненков получил возможность спокойно работать и широко публиковаться. В последующие годы он выпустил три крупные монографии, не считая большого количества статей⁴⁰. Все они были проникнуты духом самого правоверного марксизма.

Высшее руководство сохраняло нейтралитет по отношению к спорящим сторонам. Его редкое вмешательство было направлено скорее на то, чтобы приглушить полемический задор противников и заставить их вести полемику в более корректной форме.

В данной связи заслуживает упоминания следующий факт. В 1981 г. вышла в свет книга В. М. Далина «Историки Франции XIX–XX веков», где автор вновь назвал Ревуненкова «неспециалистом по истории Французской революции». Кроме того, Далин фактически объявил о победе в дискуссии «московской школы», поскольку «позиция Ревуненкова не нашла под-

³⁶ Проблемы якобинской диктатуры... С. 302.

³⁷ Там же. С. 304. Правда, Манфред все же оговорился, что упоминает о Герене «отнюдь не в смысле политической аттестации» Ревуненкова.

³⁸ *Guerin D. La lutte des classes sous la première République. Bourgeois et "bras nus", 1793–1797. T.1–2. P., 1946.*

³⁹ См.: *Ревуненков В. Г. Марксизм и проблемы якобинской диктатуры. С. 147–154.* Герен тоже писал о двоевластии в 1793 г., но считал диктатуру секций и Парижской Коммуны «диктатурой пролетариата». Это дало Ревуненкову повод для критики его взглядов.

⁴⁰ *Ревуненков В. Г. Парижские санкюлоты эпохи Великой французской революции. Л., 1971; Он же. Парижская Коммуна: 1792–1794. Л., 1976; Он же. Очерки по истории Великой французской революции. Ч. 1–2. Л., 1982–1983.*

держки среди советских специалистов по истории революции, о чем свидетельствовало обсуждение на симпозиуме в Институте всеобщей истории Академии наук СССР»⁴¹. Возмущенные этим выпадом коллеги Ревуненкова по кафедре новой и новейшей истории ЛГУ решили защитить своего заведующего. Несколько членов кафедры подписали письмо в отдел науки ЦК КПСС с жалобой на В. М. Далина. Через некоторое время Б. Н. Комиссарову, который был инициатором этой акции, позвонил заведующий сектором Отдела науки ЦК КПСС Д. В. Кузнецов, заявив примерно следующее: «Мы ознакомились с Вашим письмом и считаем Ваши претензии к товарищу Далину обоснованными. Товарищу Далину будет указано на его ошибку. Передавайте привет сотрудникам вашей кафедры»⁴². Далину, действительно, было сделано внушение, о чем свидетельствует следующее официальное письмо от 1 марта 1982 г. на бланке Института всеобщей истории:

*Кафедра новой и новейшей истории
Ленинградского государственного
университета им. А. А. Жданова
доктору исторических наук, доценту
Б. Н. Комиссарову*

В связи с получением копии письма, направленного сотрудниками кафедры новой и новейшей истории Ленинградского государственного университета вышестоящим партийным органам, Институт всеобщей истории АН СССР сообщает, что в дирекции Института состоялась беседа со старшим научным сотрудником-консультантом, д.и.н., проф. В. М. Далиным, на которой присутствовали секретарь партийной организации Института д.и.н. В. Л. Мальков и заведующий сектором новой истории стран Западной Европы Е. Б. Черняк. Объясняя свою позицию проф. Далин заявил, что никогда и в частности при работе над книгой «Историки Франции», изданной в 1981 г., он не имел ни малейшего намерения принизить научную квалификацию д.и.н. проф. В. Г. Ревуненкова или тем более оскорбить его. В. М. Далин выразил сожаление, что, воспроизводя в своей книге резюме доклада, прочитанного еще в шестидесятые годы, сохранил в его тексте фразу, вызвавшую протест авторов письма. Дирекция Института разделяет сожаление, высказанное проф. Далиным.

В ходе беседы ее участниками было высказано пожелание об организации одним из авторитетных научных учреждений или журналов, например, историческим факультетом Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова или редколлегией журнала «Новая и новейшая история» обсуждения наиболее актуальных вопросов исследования истории Французской буржуазной революции конца XVIII в. с приглашением на это обсуждение ведущих специалистов из Москвы, Ленинграда и других городов. Такая дискуссия была бы особенно своевременной и целесообразной, учитывая предстоящую работу по подготовке к 200-летию юбилею революции.

⁴¹ Далин В. М. Указ. соч. С. 80–81.

⁴² Интервью А. В. Гладышева с Б. Н. Комиссаровым (25 декабря 2001 г.). Аудиозапись из личного архива А. В. Гладышева.

Ученые Института выражают надежду на активное участие кафедры новой и новейшей истории ЛГУ в обмене мнениями по проблемам истории Великой французской революции.

*И.о. директора Института
всеобщей истории АН СССР
доктор исторических наук,
профессор*

И. И. Жигалов⁴³

Этот эпизод стал, пожалуй, последним аккордом дискуссии, наделавшей в свое время столько шума в научном сообществе. В 1985 г. умер В. М. Далин, еще раньше, в 1976 г., – А. З. Манфред. Спорить стало не с кем. Однако отголоски старой полемики продолжали звучать в работах В. Г. Ревуненкова, появившихся и после ухода из жизни его главных оппонентов⁴⁴.

В 80–90-е годы, в быстро менявшемся идеологическом климате, этой старой дискуссии порою ретроспективно придавалось новое, более злободневное звучание. Так, если в 60-е годы ленинградский историк выступал за чистоту марксистской трактовки Французской революции, то в конце 80-х он интерпретировал свою давнюю позицию уже в понятиях перестроечного дискурса. Отвечая 1 июля 1988 г. на приглашение А. В. Чудинова приехать в Москву для участия в работе «круглого стола» по проблемам Французской революции, В. Г. Ревуненков писал: «Уважаемый А.В.! Приглашение участвовать в «круглом столе» по вопросам Великой французской революции в сентябре с.г. с благодарностью принимаю. Хотел бы говорить о развитии советской историографии Французской революции после XX съезда КПСС, о борьбе в ней двух тенденций – новаторской (отражение трудов Соболя в нашей литературе) и «застойной», представленной Манфредом и его сторонниками. Представлять заранее написанный текст своего выступления считал бы излишнем, я буду говорить в духе того, что писал в своих статьях и книгах последних лет»⁴⁵. О чем именно собирался говорить ленинградский историк, к сожалению, осталось неизвестным, поскольку в Москву он тогда так и не приехал.

А уже в пост-перестроечное время, 16 декабря 1992 г., петербургская газета «Смена» опубликовала большое интервью с Ревуненковым, предпослав ему броский заголовок «Ревизионист». Однако автор материала явно смешал понятия. Позиция его героя, на мой взгляд, скорее заслуживала эпитета «нонконформизм», поскольку историк жестко критиковал происходившие в России перемены. В отношении же Французской революции он по-прежнему оставался верен ее марксистской интерпретации и ни малейших признаков «ревизионизма» в духе Фюре не проявлял.

⁴³ Из личного архива В. Г. Ревуненкова.

⁴⁴ См., например: *Ревуненков В. Г. Очерки по истории Великой французской революции 1789–1814 гг.* 3-е, доп. изд. СПб., 1996. С. 17–18.

⁴⁵ Из личного архива А. В. Чудинова.

Итак, дискуссия, с самого начала носившая скандальный оттенок, по сути дела закончилась ничем. Затронутые в ней вопросы давно потеряли свою актуальность, и в настоящее время она представляет интерес лишь как яркий, характерный эпизод истории науки советского времени. Приходится только сожалеть, что безусловно талантливые и на многое способные ученые были поставлены в такое положение, когда им приходилось растрачивать свои силы и время на подобного рода идеологические склоки.